Для работников Юстиции ТР.

БОГАУТДИНОВ Г.

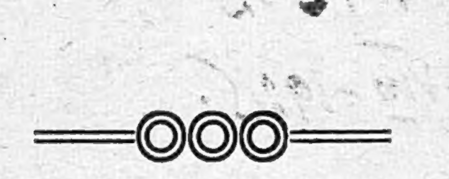
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ В ДЕРЕВНЕ И ОРГАНЫ ЮСТИЦИИ

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА НКЮ ТССР.

Издание Народного Комиссариата Юстиции
Татарской С. С. Республики.
КАЗАНЬ, 1925.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ
В ДЕРЕВНЕ
и ОРГАНЫ ЮСТИЦИИ.

Исправительно-трудовая политика НКЮ ТССР.

Издание Наркомюста Татарской Республики.
КАЗАНЬ.
1925.

Главлит ТССР № 1540, 1571. Тираж 2000 экз.

Казань. 1925 г. 1-я гостипогр. „Красный Печатник". Казанская, 9.

ДОКЛАД

Народного Комиссара Юстиции и Прокурора ТССР тов. БОГАУТДИНОВА на совещании Прокуратуры Республики с ответственными работниками НКЮ и Главсуда—

5 мая 1925 года.

«Революционная законность в деревне и органы Юстиции».

Товарищи! Лозунг „Революционная законность в деревне“— есть часть общего лозунга „Лицом к деревне“, который определяет сейчас всю политику Совласти и коммунистической партии.

Что значат слова „революционная законность“, вообще, и „революционная законность в деревне“—в частности.

Впервые слова „революционная законность“ были сказаны Всероссийским старостой

тов. Калининым на IX С'езде Советов, где обсуждался курс социалистического строительства на время НЭП-а.

„Революционная законность“—значит то, что диктатура пролетариата, переходя от эпохи военного коммунизма, „всерьез и надолго“, к эпохе новой экономической политики, стремится точно определить права государства и права отдельных граждан и их взаимоотношения друг с другом и с государством — путем определенных, устойчивых законов наказывая всех, кто пытается эти точные и устойчивые законы нарушать или обходить.

„Революционная законность в деревне“ значит то, что мы должны достичь такого положения, чтобы наши законы, направленные в защиту интересов трудового населения, в сторону укрепления Союза, смычки рабочих и крестьян, находили бы себе применение *и хорошо исполнялись не только в городе, но и в селах и деревнях.*

Нарушение же этих законов, со стороны представителей власти, работающих в деревне, вне зависимости от их положения, умышленный

или же неумышленный тормоз в работе по укреплению хозяйства и по налаживанию связи с крестьянством, следовательно, по укреплению экономической и политической мощи СССР, за каждое такое нарушение виновный понес бы заслуженное наказание.

Товарищи! Почему сейчас придается такое большое значение установлению революционной законности в деревне, почему такое важное значение этому вопросу придал последний октябрьский Пленум ЦК Коммунистической партии (большевиков), вынесший резолюцию о необходимости внедрить и укрепить революционную законность на местах?

Здесь, как нигде, уместно вспомнить слова тов. Ленина, который говорил, *что наши Советские законы хороши, а, вот, исполнители их зачастую бывают негодны и наши хорошие законы при применении их на практике становятся плохими.* Особенно ярко и правдиво это положение по отношению к селам и деревням.

Когда Советская власть и Коммунистическая партия особенно чутко стали прислушиваться к крестьянству, изучать деревню, ее

жизнь и быт, то неприглядная картина с революционной законностью, с фактическим применением в жизнь по селам и деревням наших законов, целиком направленных в защиту трудящегося крестьянства, бросилась в глаза и заставила о себе говорить руководящие советские и партийные круги.

То, что творится в деревне, выливаясь в худшей своей форме в виде знаменитой теперь Дымовки Екатеринославской губ., в меньшем масштабе примером могут служить дер. Ново-Шигалеево Пестречинской волости Арского кантона или же Лаишевские Ключищи, это—самодурство зарвавшихся и примазавшихся к власти и даже партии элементов, взяточничество, кумовство, подлоги, пьянство и т. д.— вот те язвы, которые имеются на теле нашей деревни и которые в корне подтачивают и разрушают мост, который пролетариат города перекидывает трудовому крестьянству.

В смысле революционной законности в деревне Татарская Республика, товарищи, не составляет исключения из положения, общего для всей РСФСР—с революционной закон-

ностью в деревнях Татарии неблагополучно. Это мы заявляем открыто и прямо и, вместе с этим, мы ставим пред собою ударную, боевую задачу—это немыслимое положение немедленно ликвидировать.

Однако, на путях к устранению этого ненормального, нетерпимого явления встречаются чрезвычайно серьезные препятствия, которые затрудняют, делают прямо невозможным быстрое внедрение в деревне революционной законности.

Первое, товарищи, самое большое препятствие, это—некультурность безграмотность и, главное, полное правовое невежество широких крестьянских масс, а у нас в ТР, татарских масс—особенно.

Как на один из ярких примеров, иллюстрирующих правовое невежество крестьянских масс, можно указать такой факт, когда один сельсовет Елабужского кантона в 1925 г. официальным отношением на имя служителя культа —попа просит крестить новорожденного младенца.

Таких фактов, показывающих, что крестьянство не знает даже самых элементарных,

основных законов,—тысячи и говорить о них на совещаниях Пом. Прокурора, работающих в деревне, не приходится.

Вторым препятствием нужно считать часто несоответствующий личный состав низовых органов, который пролезает к власти или же устраивается в хозяйственных или кооперативных организациях и об‘единениях для своих шкурных интересов.

Этому много способствует то расслоение на кулаков, с одной стороны, и средняков и бедняков, с другой, которое все выпуклее обнаруживается в деревне там, где имеют еще большое влияние кулаческие элементы в деревне; они стараются всеми путями поставить на „командные“ посты „своих“ людей и, уже не стесняясь после этого, творят со своими ставленниками всяческие беззакония и преступления.

Третьим тормозом в установлении революционной законности надо, товарищи, признать тот факт, что у нас на местах все еще сильную власть над нашими советскими работниками имеет формула,—так называемая „революционная целесообразность“.

Эта „революционная целесообразность“ в данное время в 99 случаях из ста есть ни что иное как прямое нарушение закона, нарушение революционной законности.

Тем не менее, часто с этим совершенно не считаются, совершенно не хотят знать „каких-то законов“ и поступают так, как это кажется „целесообразнее“ и в результате—самые плохие последствия. Особенно ярко это проявляется в вопросе о неналоговом обложении.

Необходимо на месте провести то или иное мероприятие, средств нет, изыскать их законными путями не хватает инициативы и уменья; тогда-то, по соображениям „революционной целесообразности“, облагают крестьянство самочинным налогом, как самое простое средство выйти из положения.

Далее, товарищи, следующим моментом, который затрудняет внедрение революционной законности, является равнение некоторых кантонных работников в своей работе по городу. То, что нужно и необходимо для города, проводится в селах и деревнях, особенно в отношении обязательных постановлений и

кроме отрицательных явлений ничего этим не достигается.

Вот те главнейшие препятствия, которые встречаются на путях внедрения и укрепления революционной законности в деревне.

Из всего вышесказанного достаточно, товарищи, очевидно, что внедрение революционной законности в деревне,—задача очень обширная, касается почти всех стран Советского строительства и, в силу этого, она не может быть решена усилиями только органов Юстиции; органам Юстиции должна принадлежать в установлении революционной законности в деревне решающая, доминирующая роль, но им должны активно помогать все части советского аппарата, соприкасающегося с крестьянством.

Только при такой постановке вопроса и возможно его удовлетворительное разрешение.

Какие же, товарищи, в сфере деятельности органов Юстиции меры поведут к усилению революционной законности в деревне, какими мероприятиями можно изжить каждодневное нарушение революционной законности,

или, по крайней мере, способствовать процессу скорейшего насаждения начал революционной законности?

Здесь, прежде всего, следует направить внимание на правовое просвещение крестьянских масс; необходимо в ближайшее время побороть невежество масс хотя бы по самым элементарным вопросам юридического характера.

Такой правовой безграмотностью отличается не только рядовое крестьянство, но также и те, кто работает в сельсоветах, виках и даже киках.

Что мы думаем достичь пропагандой правовых знаний?

Прежде всего, товарищи, знакомство с юридическими законами уничтожит самую возможность невольных, непреступных нарушении закона со стороны сельских властей и, вместе с этим, если крестьянин будет знать, что это закономерно, а это нет, если крестьянин будет осведомлен, что имеется Прокуратура, которая обязана возбуждать уголовное преследование против всех, нарушающих за

кон, то он или не допустит совершить преступление или же о нем немедленно сообщит, куда следует. Помимо этого, и это очевидно, знакомство крестьянина с юридическими вопросами будет полезно для него в его повседневных нуждах.

Отсюда—вывод, что нам надо организовать плановую пропаганду в деревне среди крестьянства наших на первых порах важнейших законов.

Эту работу советский аппарат, работающий в деревне, должен разделить между собой, примерно, таким порядком: налоговые органы обязаны знакомить крестьянство с налоговым законодательством, земельные—с земельным и лесным, органы юстиции—с гражданским и уголовным законодательством, с задачами суда, Прокуратуры, с судопроизводством и т. д.

Практически, наиболее целесообразно для руководства этой пропаганды создать тройку из Пом. Прокурора, Завед. Финансов. Отделом Кантисполкома и Земотделом, которая бы повела эту работу систематически, по заранее

разработанному плану, широко используя для этих целей своих работников, разбросанных по селам и деревням кантонов. Приблизительно такой план имеется у Пом. Прокурора по Арскому кантону.

По приезде на места Пом. Прокурора должен проявить инициативу создания плановой работы по юридической пропаганде.

Со своей стороны, чтобы эту работу облегчить, мы рассылаем на места для Пом. Прокурора в кантоны библиотеку из 40 популярных брошюр под общим заглавием „Что нужно знать каждому рабочему и крестьянину о своем государстве“.

Проводниками в массы юридических знаний, и это, товарищи, надо учесть, могут и должны быть народные заседатели.

Народные заседатели, участвуя в суде, могут знакомиться с законодательством и после растолковывать законы своим односельчанам.

Но до сего времени участие народных заседателей в судебной работе было очень пассивным и народный заседатель уходил из камеры суда, не пополнив ничем свои знания.

Учитывая это, НКЮ предписал всем кантонам провести конференции народных заседателей; во многих кантонах такие конференции, хотя и не по всем участкам нарсудов, состоялись, и на них были ознакомлены с целями и задачами нашего Суда, с тем, для чего народные заседатели участвуют в суде, а также какую пользу это участие может принести им самим при более активном, а не только формальном отношении к своим обязанностям; остальным кантонам эти конференции надлежит провести при первом удобном для этого случае; одновременно мы предписываем судьям, чтобы они, как при самом судебном заседании, так и при вынесении приговора или решения, спрашивали бы мнение нар. заседателей и считались с ними, как с равными себе судьями.

Отдельно от популяризации права среди крестьянского населения, кантисполкомы должны усилить инструктирование сельсоветов и волисполкомов по части юридических вопросов.

До сего времени кантисполкомы сами зачастую не были знакомы с законами и их на-

рушали; теперь при кантисполкоме должна быть создана юридическая часть или же, обязательно, иметься юрисконсульт, который имел бы своей задачей ознакомление сельсоветов и волисполкомов с законами и инструктировал бы их в этой области, а также обслуживал бы и сам кантисполком, так как кантисполкому на каждом шагу его деятельности приходится иметь дело с законами, иногда чрезвычайно сложными.

Это инструктирование, особенно важно в настоящий момент, когда впервые волисполкомам предоставлено право издавать обязательные постановления.

Вне зависимости от того, что Прокуратура обязана самым тщательным образом наблюдать за всеми этими обязательными постановлениями волисполкомов и опротестовывать их в случаях незаконности,—для нас, товарищи, важно не иметь незакономерных обязательных постановлений совершенно или же свести их число к единицам, а этому может помочь лишь инструктирование кантисполкомами ВИК-ов по части издания этих постановлений в контакте с Прокуратурой.

Сейчас мы, товарищи, должны ждать, что волисполкомы слишком широко воспользуются своим правом издавать обязательные постановления и поэтому сосредоточить внимание на этом участке Прокурорской работы необходимо.

Параллельно, и даже впереди популяризации Советской законности в деревне, должна, товарищи, итти работа по очистке советского аппарата от лиц, дискредитирующих Советскую власть в глазах широких масс трудового крестьянства, вне зависимости от их служебного положения, партийности и прежних заслуг пред Революцией.

В этом направлении многое делается как по Советской, так и по партийной и по профессиональной линии, о чем здесь говорить не приходится, но многое еще надо сделать, чтобы достичь нормального положения.

Не говоря о заведомо преступных элементах, которые рано или поздно, а теперь чаще очень быстро, садятся на скамью подсудимых, среди агентов власти, работающих в деревне, а также среди деревенских властей непосредственно, процветают такие действия, которые

формально не составляют преступления, но, тем не менее, чреваты последствиями и наносят вред нашему строительству в деревне.

Тут, прежде всего, надо указать на имеющий часто место „начальнический" подход к крестьянству; такой резкости и бестактности, которые у многих во взаимоотношениях с крестьянами вошли в обиход, должен быть положен конец и Прокуратура пусть об этом помнит; должен быть также положен конец и волоките, при которой крестьянин, по пустячному делу, ходит по кантонным, а иногда и по городским центральным учреждениям дватри дня, а то и более, при чем бывает так, что удовлетворительного разрешения вопроса крестьянин так и не получает.

В смысле изжития бюрократизма и волокиты, этих подлинных язв на теле советского аппарата, Прокуратура должна проявить *максимум активности.*

Такие явления, как бюрократизм и волокита должны быть предметом дисциплинарного воздействия, между тем как эта возможность применять наказание в дисциплинарном по-

рядке совершенно забыта: наказания в дисциплинарном порядке почти не практикуются, а при умелом пользовании этой мерой она может сыграть большое значение, особенно в борьбе с бюрократизмом и волокитой.

Правда, здесь нам придется кое-что сделать в смысле уточнения дисциплинарного законодательства, но забывать про него ни в коем случае нельзя.

Товарищи! Прокуратура должна зорко следить за всеми правонарушениями агентов власти, работающих в деревне и действовать здесь быстро и решительно.

Всем судебным работникам не следует забывать, что у нас месяца 3—4 назад на борьбу с должностными преступлениями в деревне не было обращено серьезного внимания.

Теперь в порядке дня нашей карательной политики поставлен и уже практически разрешен вопрос об усилении карательной политики по должностным, а также и хозяйственным преступлениям.

О карательной политике будет особый доклад на закрытом совещании Пом. Проку-

рора, здесь же необходимо лишь сказать, что НКЮ еще циркуляром № 21—103 от 8 декабря 1924 г. потребовал от мест самого быстрого, самого внеочередного движения дел по обвинению агентов власти, работающих в деревне, и, кроме этого, предложил представить сведения о числе находящихся в производстве этих дел.

Оказывается, таких дел довольно значительное количество; к данному моменту они на 50% кончены, но дальнейшее быстрое их движение должно быть во всяком случае обеспечено.

Когда дела о должностных преступлениях в деревне в следственных или судебных органах залеживаются, а, порой, после, в силу амнистий прекращаются или же теряют всякий свой смысл, то у крестьянства создается впечатление как бы о безнаказанности этих преступников и невнимательном отношении со стороны властей к нарушаемым интересам крестьян.

Это роняет авторитет органов Юстиции, —и, наоборот, если крестьянин будет видеть,

что такого-то, например, лесничего, который вчера проворовался, сегодня судят и дают наказание, то авторитет органов Юстиции будет неизмеримо высок; поэтому по приезде на места на эту отрасль работы надо обратить сугубое внимание и создать здесь подлинную ударную обстановку, как это делается в городе.

Говоря о должностных преступлениях в деревне, следует, товарищи, отдельно сказать несколько слов о нарушении революционной законности в области тех отношений, с которыми крестьянство сталкивается каждодневно, на которые оно особенно остро реагирует, это—нарушение революционной законности в смысле должностных преступлений в области налоговых и земельных отношений, из них, пожалуй, первое место занимает вопрос налоговой.

Мы знаем, что необходимость налога крестьянство сознает, но он, естественно, вызывает возмущение, когда местами нарушается положение, установленное центральной и даже, местной центральной властью.

Не менее опасно и вредно также несоблюдение революционной законности в области земельных отношений, так как каждому известно, насколько крестьянин чувствителен ко всему, что касается земли.

Эти две области органы Юстиции, особенно Прокуратура, обязаны держать в поле непосредственного своего внимания, и, тем более, что должностные преступления и различные проступки агентов власти, работающих по налоговой, земельной, в том числе и лесной линии, довольно часты и крестьянство они волнуют очень сильно, так как связаны с его материальным благополучием, с его скудным бюджетом и мешают ему улучшать свое хозяйство.

Здесь, товарищи, мы еще вплотную подходим к вопросу об административных штрафах и о наложении штрафов на крестьян в порядке судебном.

В некоторых случаях при наложении административных, а также судебных штрафов совершенно не учитывается бюджет крестьянина и размеры штрафов бывают несоразмер-

но высоки и их не представляется возможным взыскать.

При наложении административных, а также судебных штрафов, надо, прежде всего, помнить, что, с одной стороны, совласть всячески призывает крестьянина интенсифицировать, улучшать свое хозяйство, а, с другой стороны, налагая на того же крестьянина непомерные штрафы, лишает его возможности следовать призыву к улучшению крестьянского хозяйства.

В этом вопросе ненормальностей очень много и поэтому кантонной Прокуратуре следует уделить должное внимание надзору за наложением различных взысканий в виде штрафов, а также штрафными приговорами Нарсудов.

Нарсудам же следует не упускать из виду, что если они, не считаясь с имущественным положением крестьянина, налагают на него в виде меры наказания штраф, зная, что он такого штрафа уплатить не в состоянии, то от такого приговора получается не усиление революционной законности, а, наоборот,

расшатывание, ослабление ее, ибо когда суд не имеет возможности привести свой приговор в исполнение, то он теряет всякое свое значение.

А между тем, с приведением приговоров в исполнение, а также и решений по гражданским делам в кантонах не все обстоит в должном порядке: приведение в исполнение приговоров, даже присуждающих к лишению свободы, затягивается на долгие сроки, а взыскания с ответчиков по гражданским делам проводятся еще медленнее, а от этого страдает опять таки авторитет органов Юстиции.

Прокуратура, на обязанности которой лежит наблюдение за исполнением приговоров и решений судов, не может оставлять дальше этот вопрос в прежнем положении и путем соответствующих мер, которые мы здесь с Вами обсудим, надо достигнуть, чтобы приговора и решения проводились в жизнь немедленно.

На кого, товарищи, органы Юстиции в борьбе с должностными преступлениям, в борьбе с нарушениями революционной законности в деревне, вообще, должны, прежде всего, опереться?

Ответ точный и ясный—на армию селькоров.

Работникам следствия, суда и Прокуратуры, в первую очередь последним, надо тем или иными путями, которые на нашем совещании булут сочтены наиболее целесообразными и которые также будут обсуждаться на Татарском Областном С'езде рабкоров и селькоров, имеющем быть 25-го сего мая, так как Прокуратурой предполагается в это время устроить с рабкорами и селькорами отдельное совещание, наладить теснейшую связь с селькорами и просить их информировать кантонного Пом. Прокурора о всех замеченных нарушениях законов помимо сообщений в прессе, так как по всем газетным заметкам селькоров, а также и рабкоров, появляющихся в газетах ТР, и, даже, некоторых РСФСР и имеющих разоблачительный характер, Центральная Прокуратура немедленно принимает соответствующие меры.

Кое-где в кантонах, например, Елабужском, эта связь с селькорами и рабкорами Елабужского кантона уже налажена и была закреп-

лена прошедшим недавно в Бондюжском заводе процессом о преследовании рабкора тов. Зубкова инспектором Труда Поляковым; довольно подробно о процессе писалось в „Красной Татарии“.

Необходимо всем кантонам в налаживании связей с селькорами равняться по Елабужскому кантону.

Товарищи! Связь с селькорами надо поставить на прочный фундамент, а этому, главным образом, поможет внимательное отношение ко всем заметкам селькоров, особенно носящим разоблачительный характер.

Дела по преступлениям, возбужденным на основании селькоровских заметок или же информации, также как и дела по обвинению должностных лиц, работающих в деревне, аппарат Юстиции обязан пропускать в минимальный срок.

НКЮ такую директиву на места дал уже давно, но некоторые кантоны, видимо, не усвоили себе важности этого задания и допускают проволочки с расследованием этих дел.

Такому отношению должен быть положен

конец и НКЮ будет требовать этого самым решительным образом.

В отношении сотрудничества Прокуратуры и органов Юстиции, вообще, с селькорами, надо особо отметить одну отрасль, не потому, что она является важнейшей, а только лишь потому, что о ней как бы забыто совершенно, это—помощь селькоров ТР органам Юстиции по борьбе с преступлениями, закрепощающими и унижающими женщину-татарку в условиях нашей Татарской Республики, где еще в деревнях в быту, во взаимоотношениях мужчины с женщиной господствует право корана и шариата.

В Советской Республике с первых же шагов ее существования женщина „де-юре“ уравнена во всех правах с мужчиной. Однако на деле положение пока иное и это всем известно.

Татарская женщина до сего времени живет под гнетом веками сложившихся условий быта и религии, и, зачастую, эти обычаи быта и правила религии по отношению к женщинам сейчас составляют прямое нарушение закона, караемое Уголовным Кодексом.

Такие преступления, хотя и редко, но совершаются в пределах ТР среди татарского населения, но Прокуратура о них не знает, так как население считает эти действия вполне закономерными и не доводит о них до сведения властей.

Поэтому, Прокуратура должна обратиться к селькорам, как наиболее передовым и сознательным представителям крестьянства, с призывом, информировать ее о таких преступлениях, чтобы ликвидировать их путем судебного воздействия на тех, кто на 8-м году существования Соввласти воскрешает рабское отношение к равноправной женщине.

Теперь, товарищи, какой метод должен быть положен в основу работы органов Юстицию по внедрению революционной законности в деревне?

Его можно выразить кратко и просто: „ближе к массам".

Необходимо сделать наш аппарат близким к населению, завоевать доверие и авторитет крестьянства.

Какие меры НКЮ проводит в этом направлении?

Прежде всего мы, товарищи, должны тщательно просмотреть наши ряды, ряды работников Юстиции, соответствуют ли они тем задачам, которые сейчас возлагаются на них. Можем ли мы сказать, что у нас на все 100% наши работники работают правильно, что они имеют должные взаимоотношения с населением и пользуются его авторитетом. Нет, не можем! Поэтому НКЮ в ближайшем будущем будет пересмотрен весь личный состав работников органов Юстиции как на местах, так и в центре, с целью добиться, во первых, максимально классово-выдержанной линии карательной политики, во вторых, с целью достичь быстрой и юридически правильной работы, в третьих, для того, чтобы повысить активность работников Юстиции в деревнях, как общественников, в четвертых, ликвидировать среди нашего аппарата волокиту и расхлябанность и, пятое, удалить всех, кто не пользуется, в силу тех или иных причин, авторитетом среди крестьянства.

Далее, Наркомюст предполагает во что бы то ни стало добиться расширения судебно-следственной сети в кантонах ТР на 16—20 участков, учитывая, что кантонный аппарат

перегружен, что надо достичь нормальной нагрузки участковых Нарсудей и Нарследователей и, самое главное, надо районировать сеть таким порядком, чтобы от дальнего селения кантона до ближайшего судебного участка было не более 20-ти верст.

НКЮ уже входил по этому поводу с ходатайством в ТЦИК и СНК, но ходатайство это не удовлетворено.

После этого Областной Комитет партии вынес постановление о необходимости расширения судебно-следственной сети.

23-го июня открывается 2-я Сессия ТЦИК, где стоит доклад Наркомюста о революционной законности в деревне, где НКЮ и предполагает вновь возбудить перед Сессией вопрос об увеличении судебно-следственной сети и полагает, что результат будет удовлетворителен.

До этого же, товарищи, необходимо сделать так, чтобы крестьяне не ездили в Нарсуд, или к следователю, или к Прокурору, а последние бы устраивали почаще выезды из своих камер на места.

Выдвигая момент частых, и при том систе-

матических выездов, мы учитываем, что в настоящее время на местах не хватает средств на раз'езды, что на это жалуются все судьи, все следователи и все Пом. Прокурора и если только дать директиву „частые выезды", и не дать на это средств, то эти частые выезды останутся только в циркуляре. По этому вопросу Наркомюст имеет постановление Бюро Областного Комитета партии, которое признало необходимым увеличить отпуск средств по местному бюджету на раз'езды и предложило Наркомюсту войти с соответствующим ходатайством в Совнарком и можно надеяться, что средства на раз'езды будут увеличены.

Далее НКЮ считает необходимым разгрузить Пом. Прокурора от технической работы, дать ему помощника; поэтому, в штаты на 1925—26 г. включены 12 консультантов Пом. Прокурора кантонов, т. е. консультант будет у каждого Пом. Прокурора, тогда как сейчас есть только 4 консультанта.

Теперь, товарищи, надо сказать по вопросу о выездах, как эти выезды целесообразнее использовать.

Наркомюст, считает, как минимум, следующее число выездов из камеры: для Пом. Прокурора—2, для Нарсудьи—2, для Нарследователя—1, при чем Нарсудье 1-го участка свои выезды надлежит согласовывать с Пом. Прокурора и наоборот.

Прежде всего, во время выездов Нарсудья и Нарследователь должны—первый разобрать дела в судебных заседаниях, а второй—произвести нужные следственные действия.

После выполнения прямой работы, следует выступить на сходе или на открытом заседании сельсовета и провести доклад или беседу на одну из правовых тем, особенно интересных для крестьянства.

НКЮ имеет список 16 таких тем, причем для облегчения, для всех этих тем разработаны тезисы и будут на русском и татарском языках разосланы по каждому участку судебному, следственному и Пом. Прокурора.

О всех этих выездах целесообразно заранее известить сельсовет или ВИК, чтобы он мог оповестить население и в ближайшее время созвать сход.

Специально для Пом. Прокурора, во время пребывания его в селе, необходимо побывать на заседаниях сельсовета или ВИК-а, просмотреть их протоколы, постановления и, непременно, ознакомиться с обязательными постановлениями. Также важно и необходимо обратить внимание на работу кооперации.

Мы, товарищи, кооперативному строительству в деревне придаем громадное значение; кооперирование крестьянства стоит сейчас в центре внимания власти и партии.

В кооперативном строительстве среди крестьян имеется много болезней; говорить о них здесь подробно, мне кажется, излишне. Прокуратура, товарищи, если она будет держать кооперацию в поле своего внимания, много может сделать в смысле налаживания постановки на правильные рельсы кооперативной работы, в смысле ликвидации ненормальностей и преступлений, которые за последний период времени стали в большом числе здесь обнаруживаться.

Очень важный пункт деятельности органов Юстиции на селе—это товарищи, Комитеты взаимопомощи.

Здесь строится и растет Советская деревенская общественность.

Задачи Комитетов взаимопомощи огромны и им очень часто приходиться в процессе своей работы иметь дело с юридическими вопросами, разрешить которые своими собственными силами они не в состоянии.

Нам, работникам Юстиции, надо помочь Комитетам быть юридически грамотными и толковыми; поэтому, приезжая в деревню, должно уделить время на беседу с Комитетом взаимопомощи, разузнать, какие вопросы из области права, как теоретические, так и практические, их интересуют и дать им соответствующие указания и раз'яснения.

Наконец, товарищи, при приезде в деревню, не мешает заглянуть в избу-читальню и если здесь имеется стенная газета, написать в нее одну-две статьи по вопросам права или же работы органов Юстиции.

При разборе уголовных дел во время выездов чрезвычайно желательно, товарищи, участие обвинителя по делам, имеющим для крестьянства особый интерес.

Эта работа не может быть выполнена силами одного лишь Пом. Прокурора; необходимо к делу обвинения привлекать само же население или же, на первых порах, работников советского, профессионального или же партийного аппарата. При каждом Нарсуде должна быть создана Коллегия общественных обвинителей.

На места соответствующее указание было дано давно; в некоторых кантонах Коллегии общественных обвинителей уже созданы, но большинство кантонов эти указания НКЮ в жизнь еще не провело.

Поэтому в порядке дня ближайшей работы Пом. Прокурора и Нарсудей 1-го участка необходимо поставить создание Коллегий Общественных обвинителей и соответствующая обработка членов этих Коллегий, чтобы они могли быть в полной мере использованы для выступлений на Суде.

При выезде на места следует также давать крестьянам юридические советы и принимать от них те или иные заявления и жалобы, причем в дальнейшем к этим заявле-

ниям и жалобам необходимо относиться особо серьезно. Нередко бывает так, что работник, приезжая в деревню, надает кучу обещаний крестьянам, а когда уезжает из деревни, то все это забывается; крестьянин ждет, ждет долго, а потом окончательно теряет веру в городских работников.

Нужно твердо запомнить, что раз дал обещание, надо его выполнить и от этого правила не отступать ни на шаг.

В порядке дня собеседований с крестьянством при выездах необходимо также поставить краткие отчетные доклады о работе Нарсудьи, Нарследователя и Пом. Прокурора.

Вообще, до сего времени в нашей работе отчетность перед деревенскими и, пожалуй, городскими массами не практиковалась; однако, периодически отчитываться перед населением необходимо и эти отчетные информационные сообщения на сходах и заседаниях сельсоветов и ВИК-ов помогут ввести население в курс проделываемой органами Юстиции работы.

Говоря о приближении органов Юстиции к массам, нельзя, товарищи, обойти молчанием

вопрос об оказании юридической помощи населению, ибо без удовлетворительного разрешения этого вопроса нам не удастся разрешить поставленную выше задачу.

В деле постановки юридической помощи в кантонах имеются большие достижения, но охватить полностью все нужды в юридической помощи крестьянства, мы еще не смогли.

К этому, товарищи, надо стремиться.

Надо еще раз поставить об этом вопрос пред Кантисполкомами и Канткомами, надо привлечь к этой работе учительство и работников кооперации.

Кроме того, Президиуму Коллегии Защитников необходимо установить связь со своими членами в кантонах и взять руководство их работой в свои руки.

Мы, товарищи, приветствуем решение Коллегии Защитников о командировании на временную работу членов Коллегии защитников из Казани в кантоны и эти командируемые должны, кроме специальных возложенных на них задач, проинструктировать местных защитников, так как это поможет им упорядочить свою работу.

Этому также послужит С'езд членов Коллегий защитников, который предположен к созыву; вообще, кое-что проделать в деле оживления, оздоровления, расширения и приближения юридической помощи к населению Президиуму Коллегии Защитников в ближайший период времени придется, и созываемый С'езд обязан это сделать.

Товарищи! Та работа органов Юстиции по укреплению революционной законности в деревне, которая выше очерчена, если к ней относиться не формально, не казенно, а с деловым, внимательным подходом, требует от работников максимальной работоспособности, а, также, и уменья работать.

До настоящего времени наши судьи, следователи и Пом. Прокурора работали кустарно без системы, без плана и только у единиц такой план имелся.

Теперь же без плана, без системы, при том большом числе различных заданий, заданий очень обширных, обойтись будет нельзя.

В дальнейшем, в деятельность каждого судьи, следователя и Пом. Прокурора должна

быть введена плановость, система, причем при составлении этого плана надо учесть реальные возможности, так как лучше иметь в перспективе план небольшой, но зато тщательно и аккуратно выполняемый, чем громоздкий и широкий план, но остающийся только на бумаге.

В заключение, товарищи, несколько слов о взаимоотношениях нашего низового аппарата с центральным.

В этом направлении НКЮ усиливает свою связь с местами, путем более частых выездов для ревизий и обследований.

При отделе Прокуратуры создается специальная должность Пом. Прокурора-ревизора, который будет постоянно в раз‘ездах с целью инструктирования и обследования деятельности как Пом. Прокурора, так и судей, и следователей.

В НКЮ сорганизован Отдел Судоустройства и надзора, который будет производить систематические ревизии кантональной и судебно-следственной сети по разработанному 6-ми месячному плану.

Предполагается издание бюллетеня, в ко-

тором будут печататься инструкции и циркуляры, а также краткие отчетные информационные сводки о работе органов Юстиции в деревне, как в общем масштабе, так и в масштабе каждого кантона.

Поэтому на отчетность и информацию Центра низовыми органами, а также и Пом. Прокурора надлежит обратить серьезное внимание, чтобы НКЮ мог учитывать всю ту работу, которая по его директивам проводится на местах.

То, что я говорил по поводу взаимоотношений центра с местами, все это имеет целью углубить, сделать более активным руководство центральным аппаратом своих ячеек на местах, так как мы все отлично сознаем, что только при дружной, совместной работе центра и периферии дополняющих одна другую, мы можем революционную законность в деревне внедрить и укрепить, т. е. справиться с той задачей, которая на плечи органов Юстиции возложена Советской властью и коммунистической партией.

Итак, товарищи, вперед за работу!...

ДОКЛАД

Народного Комиссара Юстиции и Прокурора ТССР тов. БОГАУТДИНОВА на заседании Пленума Татарского Совета Профессиональных Союзов

30-го апреля 1925 г.

Исправительно-трудовая Политика НКЮ ТССР.

Товарищи! Исправительно-трудовая политика НКЮ ТССР, как и испр.-трудов. политика Советской власти, вообще, определяется тем основным положением, что в силу об'ективных условий состав преступников по ТР, как и по всей нашей Федерации, состоит на 80% из рабочих и крестьян.

Короче говоря, испр.-трудов. политика носит ярко выраженный пролетарский классовый характер.

Цифровые данные о социальном положе-

нии осужденных по ТР хотя бы за ближайший 1923 год дают следующую картину:

За 1923 г. осуждено Нарсудами 26656 человек, из них:

Крестьян . . .	51%	13591	человек
Рабочих	23%	6129	„
Нетрудового элемента . . .	18%	4797	„
Прочих	8%	2132	„

Таким образом, поскольку подавляющее большинство преступников дает рабоче-крестьянское население и судят их тоже рабочие и крестьяне, в среднем, меры репрессии не могут быть высоки: не могут они быть также высоки и потому, что, во первых, этот контингент преступников совершает деяния, не представляющие большой опасности для Советского строя и правопорядка (самогон, лесорубка, хулиганство) и, во вторых, эти преступники не являются социально-опасными сами по себе.

Уголовный Кодекс РСФСР в целом ряде статей диктует Суду применять к указанным выше преступникам и облагать совершаемые ими деяния низкой мерой наказания, широко при-

меняя при этом еще и условное осуждение, в случае наказания—лишения свободы.

Если взять цифры, говорящие о том, какие наказания применены Народными Судами ТР к осужденным, то они будут таковы:

1923 год.

Всего осуждено—26656 человек и эти осужденные приговорены к следующим категориям наказания:

К штрафу	9360 чел.	—35%
К принудработам .	9300 чел.	—35%
К лишен. свободы .	3465 чел.	—13%
К лишен. свободы условно . . .	2132 чел.	— 8%
Прочие (выговор, порицание и т. д.)	2399 чел.	— 9%

Здесь, как видно, на первом месте стоит денежный штраф (в среднем от 2-х до 10 рублей), далее—принудработы, на третьем месте—лишение свободы фактическое, на 4-м месте—лишение свободы условное и на 5-м—рубрика „прочие“.

Касаясь исправ.-трудов. политики Нарсудов за 1923 г., следует сказать, что в ней было

ошибкой и эта ошибка одинакова как для ТР, так и для всей РСФСР в целом, что Нарсуды слишком широко пользовались мерой наказания—принудительными работами.

Принудительные работы даже в гор. Казани, не говоря уже о кантонах, селах и деревнях, были очень плохо организованы, если не сказать—неорганизованы совершенно. Поэтому наказания—принудработы—в большинстве в жизнь не проводились или же проводились только на 10—15%.

Необходимо было перейти к такому наказанию, которое можно было бы провести фактически в жизнь и, вследствие этого, НКЮ ТР и Главсудом была дана директива и эта директива настойчиво повторялась — избегать широкого пользования принудработами, заменяя их штрафом, как наказанием реально осуществимым.

Вторым характерным моментом исправ.-трудов. политики Нарсудов ТР в 1923 г. было широкое пользование мерой наказания лишением свободы фактически: к этому наказанию, как мною уже указано выше, осуждено—13%

всех осужденных за 1923 г. или же, в абсолютной цифре, 3465 человек.

Если принять во внимание, что минимальный срок лишения свободы до половины 1923 г. был 6 месяцев и что Нарсуды в подавляющем большинстве, что уже было мною вначале доклада отмечено, имеют дело с рабочими и крестьянами, то частое применение лишения свободы, и при том на большие сроки, противоречило задачам нашего Советского суда.

Это частое применение лишения свободы об‘яснялось тем, что в период военного коммунизма при трибунальской политике размер уголовной репрессии был очень высок, и этот размах сказывался на приговорах Нарсудов, а также, товарищи, это об‘ясняется еще и тем, что Народные суды очень старательно взялись за искоренение преступности путем наказания, что, конечно, было неправильно, ибо наказанием преступность не искоренишь.

В этот период тюрьмы в ТР, несмотря на частые их разгрузки, были переполнены.

Например, на первое июня 1923 г. в домах заключения ТР содержится 1331 человек,

из них по приговорам судебных учреждений—774 чел., при чем из этого количества осуждено Нарсудами к лишению свободы *за простую кражу*—292 чел., т. е. за небольшое по нашему законодательству преступление, так как Советская власть не склонна, вопреки буржуазному праву, серьезно карать за нарушение „священного“ права собственности. Но это ненормальное, я бы сказал, недопустимое явление.

На частое применение Нарсудами лишения свободы было Наркомюстом обращено должное внимание.

1924 г. в отношении распределения осужденных Нарсудами по наказаниям представляется в следующих процентах:

Осуждено:	к штрафу . .	61%	—первое место,
	к принудработам	21%	—второе место,
	к усл. лиш. своб.	10%	—третье место,
	к фак. лиш. своб.	7%	—четвер. место,
	прочие	1%	—пятое место.

Теперь, товарищи, при сопоставлении этих цифр с цифрами 1924 г., получается следующий весьма характерный вывод: в 1924 г. стала гораздо чаще применяться мера наказания в виде

штрафа (в 1923 г.—35%, в 1924 г.—61%,) увеличившись за счет принудработ, фактического лишения свободы и рубрики „прочих“; принудработы хотя по-прежнему среди всех мер наказания занимают второе место, но они снизились с 35% -1923 г. до 21%.

Следовательно, данные указания о необходимости отказываться от принудработ, как наказания трудно проводимого в жизнь и заменять его штрафом, было принято Нарсудами ТР к руководству и исполнению.

Анализируя, далее, цифры 1923 и 1924 г.г. о фактическом и условном лишении свободы, обнаруживается, что в 1923 г. лишение свободы фактически стояло среди прочих наказаний на третьем месте и к этому наказанию было приговорено 13% всех осужденных; теперь же, в 1924 г. фактическое лишение свободы уступило 3-е место условному лишению свободы; последнее применено в 1924 г. к 10% осужденных (в 1923 г. было применено к 3%), а фактическое лишение свободы в 1924 г. было применено лишь к 7% всех осужденных против 13% 1923 г., т. е. уменьшилось на 6%.

Этот вывод ясно говорит, что и указания НКЮ по вопросу о злоупотреблении Нарсудами в своих приговорах лишением свободы было проведено в жизнь.

Сравнивая 1923 и 1924 г.г. следует, товарищи, ясно и определенно сказать, что исправ.-трудовая политика нарсудов в настоящее время приобрела вполне классово-правильный в соответствии с общим духом нашего законодательства характер.

Между прочим, ненормальное положение 1923 г., когда выяснилось, что повсеместно нарсуды часто присуждают к фактическому лишению свободы, а минимальный срок такового был 6 мес., привело к тому, что постановлением 2-ой сессии ВЦИК IX-го созыва в июле месяце 1923 г. этот минимальный срок был снижен с 6 мес. до 1-го месяца.

Однако, скоро стала ясна необходимость еще понизить минимальный срок лишения свободы и на основании постановления 2-ой сессии ВЦИК XI-го созыва этот срок устанавливается уже в 6 дней, а в новом проекте Уголовного Кодекса РСФСР, разработанном на

принципах Основ Уголовного Законодательства Союза ССР, минимальный срок лишения свободы не определяется совершенно.

В связи с этим, в недалеком будущем исправ.-трудов. политика вся, в том числе и Народных Судов, должна будет измениться в том направлении, что основной мерой наказания будет лишение свободы на минимальные сроки и частое условное осуждение, но в данное время исправ.-трудов. политика Нарсудов ТР, очерченная выше цифровыми данными, безусловно верна.

Должно, однако, товарищи, отметить, что есть, во первых, Нарсуд со специальной задачей, исправ.-трудовая политика которого различна от общей исправ.-трудов. политики Нарсудов—это Трудсессия при Главсуде ТР и, во вторых, по некоторым категориям дел, именно, по самогонным делам, и по нарушению декрета о едином сельско-хозяйствен. налоге, исправит.-трудовая политика также не соответствует общему ее направлению.

В Трудсессии, поскольку таковая имеет дела с лицами не пролетарского происхожде-

ния преимущественно и имеющими возможность по своему экономическому положению пользоваться наемным трудом, меры наказания применяются более суровые.

Так, за 1923 г. Трудсессией было осуждено 279 человек, из них к штрафу было приговорено 172 человека, но этот штраф в среднем колеблется от 100 до 1000 рублей, тогда как по Нарсудам ТР в общем масштабе штраф колеблется от 2-х рублей до 10.

За 1924 г. в Трудовой Сессии всего было осужденных 353 человека, из них к штрафу —200 человек; штраф опять таки устанавливается в указанных выше размерах.

К лишению свободы за 1923 г. Трудсессией приговорено 66 человек, а в 1924—86 человек, при чем, если лишение свободы как фактическое, так и условное, в 1923 г. равнялось 21% общих наказаний, а в 1924 г. 17%, то в Трудовой Сессии лишение свободы в 1923 г. равняется 25% общего числа наказаний, повышаясь в 1924 г. до 28½%, тогда как в общем масштабе применение Нарсудами лишения свободы в 1924 г. снижается до 17%.

Касаясь исправ.-трудов. политики по самогонным делам я должен сказать, что НКЮ давал на места неоднократные предписания об усилении деятельности по борьбе с самогонкой и о более жесткой исправ.-трудов. политики в отношении самогонщиков.

НКЮ указывал, что надлежит применять к самогонщикам условное осуждение и снижение наказания ниже низшего предела, указанного в 140 ст., лишь в крайних случаях, диктующих суду необходимость этой меры.

В общем, такими систематическими директивами удалось среднюю меру наказания по самогонным делам несколько повысить, хотя штраф здесь все также стоит, и это вполне понятно, на первом месте, но размер штрафа уже выше.

Для проверки этого вывода были нами взяты наугад 20 штук статистических листков Нарсуда 4-го участка Арского кантона за январь, февраль месяцы 1925 г. об осужденных по 140 ст. УК. Здесь в большинстве листков в качестве меры наказания оказался штраф от 5 до 15 рублей, а в 2-х листках по делу

№ 272 двое подсудимых, обвиняемых по ст. 140-б Уг. Код., т. е. за изготовление и хранение самогона для удовлетворения своих жизненных потребностей, крестьян по происхождению, приговорены судом к лишению свободы на два года каждый; в 4-х листках—были приговорены к лишению свободы сроком на три месяца.

В отношении дел по обвинению в неуплате сельхоз. налога—т. е. по ст. 79 Уг. Код., так как это преступление имеет большую социальную опасность, средняя мера репрессии еще выше, чем по самогонным делам и выше очень значительно; так, взятые из общего числа листков об осужденных за январь месяц по Нарсуду 2-го участка Тетюшского кантона 4 присланных листка об осужденных по 2-ой части 79 ст. УК, содержат в качестве наказания лишение свободы на 3 месяца все (статлистки по делу № 45 от 1925 г. 2-го участка Тетюшского кантона), при чем осужденные были не кулаки, так как в статлистках сказано, что осужденные хлебопашцы и ведут хозяйство без наемного труда; если бы, това-

рищи, это были кулаки, то я уверен, что лишение свободы по ст. 79 определялось годом или же двумя.

Следовательно, и Нарсуд специального назначения—Трудовая Сессия и Нарсуды, вообще, когда они разбирают, так называемые „ударные дела", держат правильный курс.

Товарищи! Как я уже выше указывал общая линия Нарсудов в их исправит.-трудовой политике должна быть признана нами правильной.

Но, конечно, и здесь бывают ошибки.

В большинстве эти ошибки состоят в том, что Нарсуды иногда „пересаливают" и дают чересчур высокую меру наказания; (бывают, что и дают очень низкую меру наказания, но это случается гораздо реже.)

Например, на втором с'езде работников Юстиции ТР было отмечено, что имеется дело в Бугульминском кантоне, где вдова, имеющая на руках несколько малолетних детей, исключительно за приготовление самогонки (факт продажи самогона установлен не был), была осуждена на три года лишения свободы (сте-

нографическ. отчет С'езда, стр. 100, 9 строка сверху). Такие случаи не единичны.

Но такие дела на 99% кассируются, и здесь неправильный приговор исправляет уголовно-кассационная Коллегия Главсуда, которая такой приговор или отменяет совершенно, или же, утверждая его, снижает очень значительно определенное приговором высокое наказание.

Теперь, товарищи, следует сказать, что хотя общее направление исправ.-трудовой политики дают Нарсуды, так как через них проходят 85% уголовных дел (например, за 1924 г. в производстве Главсуда было 2586 уголовных дел, а в Нарсудах около 40.000), но говоря об исправ.-трудовой политике, необходимо особо остановиться на исправ. - трудовой политике Главного Суда ТР, как суда со специальной задачей, разбирающего наиболее важные и, следовательно, наиболее опасные для правопорядка преступления.

Линия исправ.-трудовой политики Главсуда предопределяется следующими цифрами.

За 1924 год Главсудом было осуждено 976 человек.

По социальному положению эти осужденные делятся:

Крестьян	605	чел.	—62%
Рабочих	74	„	— 8%
Совслужащих . . .	205	„	—21%
Прочих (офицеров, торговцев)	92	„	— 9%

Таким образом, преступников из рабочих и крестьян перед Главсудом проходит только 70%, тогда как пред Нарсудами—80%.

Но цифра действительных рабочих и крестьян, проходимых, как осужденные в Главсуде, должна быть снижена минимум на 10%, так как, товарищи, перед пролетарским Судом выгодно стать рабочим или крестьянином, поэтому очень многие преступники скрывают свое действительное происхождение; правильно будет сказать, что настоящих рабочих и крестьян перед Главсудом проходит только 50—60%, тогда как в Нарсудах—80%, а прочего элемента в Главсуде проходит 50—40%, тогда как в Нарсудах только лишь 20.

Этот момент должен быть учтен Главсудом в его испр.-трудовой политике.

Далее, товарищи, преступления, которые проходят перед Главсудом, значительно разнятся от преступлений, с которыми имеют дело Народные Суды.

В Народных Судах распределение осужденных по категориям совершаемых ими преступлений за 1924 г. в процентном отношении таково:

1) Преступ. против порядка управления 47%

(из них самая важная и большая категория дел —лесопорубка и дела по неуплате с.-х. налога).

2) Хозяйственные преступления 31%

(на 99% дела самогонные).

3) Преступления против правил, охраняющих здоровье и публичный порядок . . . 7%

4) Имущественные преступления 7%

5) Преступления против жизни и здоровья 5%

6) Должностные преступления 1½%

7) Прочие 1½%

В Главном же Суде ТР распределение осужденных по категориям преступлений дает совершенно другую картину:

Осужденных—976 челов.; таковые приговорены:

1) За преступления против жизни и здоровья . 43%—434 чел.
2) За должностные преступления . . . . 24%—237 „
3) За имущественные преступления . . . . . . 19%—183 „
4) За преступления против порядка управлен. 6%— 54 „
5) За преступления контрреволюц. . . . . 4%— 35 „
6) Прочие . . . . 4%— 33 „

Сравнивая, товарищи, категории преступлений, проходящих в Нарсудах и Главсуде, приходится констатировать, что в Главсуде проходят преступления, представляющие наибольшую социальную опасность.

Это обстоятельство также должно учитываться Главсудом в его исправит.-трудовой политике.

Подтверждается ли это цифрами?

Цифры осужденных Главсудом за 1924 г. с распределением по мерам наказания таковы:

Осуждено 975 чел., из них приговорены:

1) К лишению свободы (фактически и условно) 958 чел.—99%

2) К расстрелу . . . . . 17 „ — 1%

(в отношении расстрела, таковой в 12 случаях был самим Судом заменен лишением свободы на 10 лет, одному осужденному расстрел был заменен лишением свободы Верхсудом РСФСР и 4 приговора были приведены в исполнение).

Из числа осужденных к лишению свободы (958 человек) было осуждено условно—288 человек или 39%; из числа тех же 958 человек, было поражено в правах на срок от 1-го года до 5 лет—144 человека—15%, амнистия была применена полностью к 141 осужденному—15% и частично в отношении 188 чел.—16%.

958 человек осуждены Главсудом к лишению свободы на сроки:

До 1 года . . . . 243 чел.
До 2-х лет . . . . 78 „
До 3-х лет . . . . 366 „

До 5-ти лет . . . . 178 чел.

До 10-ти лет . . . . 93 „

Товарищи! Цифры показывают, что основным наказанием для Главсуда является лишение свободы фактически (как уже было сказано выше, условно осуждено 288 человек или 39% и фактически лишено свободы 670 чел.—61%); для Нарсудов же лишение свободы фактически стоит всего лишь на 4-м месте, равняясь за 1924 г. лишь 7% общего числа наказаний, и эти цифры отвечают на поставленные нами выше вопросы, что Главсуд вполне учитывает классовую задачу Суда и правильно проводит свою исправит.-трудовую политику, исходя из социального положения осужденных и степени опасности совершаемых ими преступлений.

Этот вывод подтверждается сведениями о кассированных в Верховный суд РСФСР делах уголовного отдела Главсуда и его Выездных Сессий.

Было кассировано в 1924 г. 130 дел из рассмотренных Уголовным отделом и Выездными сессиями по существу 597 дел, или только 14%.

Процент кассации следует назвать низким и также низким он считается и в Верховном Суде РСФСР, о чем было заявлено как Председателем Верхсуда, так и членами Уголовно-Кассац. Коллегии; по другим Губсудам процент кассации гораздо выше.

Это малое число кассированных дел само по себе уже говорит за правильность налагаемых Главсудом наказаний.

Результат кассации таков (имеются сведения по 113 делам):

Утверждено . . . . . 98 дел—84%

Отменено и прекращено—15 дел—16%, причем по утвержденным делам было снижено наказание лишь в 15 случаях; *следовательно, товарищи, и Верхсуд признает налагаемые Главсудом наказания вполне классово-выдержанными.*

Но, товарищи, как и в Нарсудах, так и в Главсуде, в его исправит.-трудовой политике моментами встречались некоторые неправильности в работе.

Одно время Главсуд стал очень часто применять условное осуждение, помимо всяких

амнистий (амнистии не применить в большинстве случаев Суду нельзя, так как в самом тексте амнистии часто значится, что она обязательно подлежит применению, а применить условное осуждение всецело в компетенции Суда, рассматривающего дело).

Трудящиеся, читая газеты, где помещаются хроникерские заметки о судебных процессах, или же присутствуя на судебном заседании, оставались часто неудовлетворенными и выражали даже недовольство широким применением условного осуждения преступников.

Учитывая это обстоятельство, НКЮ в феврале месяце этого года обратился к Главсуду с директивным товарищеским письмом, где указал на необходимость достичь устойчивости в исправ.-трудовой политике и не слишком часто применять условное осуждение, тем более, что можно вместо условного приговора с большим сроком лишения свободы, дать один-два месяца лишения свободы фактически.

В исправ.-труд. политике Главсуда есть один характерный момент, который, товарищи, должен быть нами отмечен, а именно, прово-

димую иногда — „ударность“, когда в целях соответствующего воздействия на преступный мир, даются более высокие меры наказания.

Например, осенью и зимою прошлого года, в Казани, и в ТР в целом, начал усиленно развиваться бандитизм, угрожая принять серьезные размеры; в целях ликвидации бандитизма, в ноябре месяце при ГПУ была даже создана тройка по внесудебной расправе с бандитами. В это время Главсуд заслушал целую серию бандитских дел и вынес по ним очень суровые меры репрессии абсолютно, как расстрел и 10 лет лишения свободы, но эти меры репрессии вполне вытекали из насущнейшей необходимости, как можно скорее, путем устрашения бандитов, изжить бандитизм, что и оказало свой результат.

Одним из моментов, определяющим правильность или же неправильность исправ.-трудов. политики, является, также применение судом издаваемых амнистий и постановлений о досрочном освобождении.

За ближайшие годы—1923 и 1924 г., были проведены следующие амнистии в широком

смысле этого слова: в 1923 году была проведена амнистия в честь образования Союза ССР, а в 1924 г. досрочное освобождение на основании циркуляра ВЦИК от 12-го мая 1924 г.

По амнистии в честь образования СССР, созданной специальной комиссией из представителей Прокуратуры, Суда и ТЦИК-а было освобождено 360 чел., из них: рабочих—137 чел., крестьян—201 чел. и проч.—22 челов.; по этой же амнистии были сокращены сроки наказания 84 человекам, из них: рабочих—52, крестьян—29, прочих—3 человека.

На основании циркуляра ВЦИК от 12-го мая 1924 г. было освобождено из домзакаТР—597 чел., из них: рабочих—194 чел. крестьян—365 чел. и служащих и проч.—55 человек.

Итак, как в первом, так и во втором случаях были освобождены в подавляющем большинстве рабочие и крестьяне и незначительное количество лиц прочих социальных категории, что свидетельствует о том, что цель этих амнистий была усвоена и проводились они в жизнь также классово целесообразно.

Следующим моментом, до некоторой степени, определяющим исправ.-трудовую политику, является предварительное содержание под стражей до разбора дела.

В этом направлении, товарищи, НКЮ ТР неоднократно целым рядом циркуляров требовал чрезвычайно осторожного подхода к избранию в качестве меры пресечения уклонения от следствия и Суда—содержание под стражей. В Уголовно-Процессуальном Кодексе специально в ст. 158 определены условия, при которых в качестве меры пресечения может быть избрано лишение свободы, при чем, как правило, срок не может быть выше 2-х месяцев и лишь по специальному разрешению Прокурора этот срок может быть продлен.

Народный Комиссариат Юстиции требует, чтобы ему специально, срочно сообщали о всех случаях предварительного заключения под стражу, помимо того, что соответствующими статьями Уг.-Проц. Кодекса требуется о каждом заключении под стражу уведомлять суд и Прокуратуру, которые должны дать на то свою санкцию.

Однако, следует зафиксировать, что число предварительных заключенных по ТР довольно велико: например, на 1 января 1925 г. количество след. заключенных по г. Казани, равно 219 человек.

Цифра эта была некоторое время тому назад много выше, но теперь она, благодаря принятым мерам, уменьшается; на нее значительно влияет тот факт, что следовательский аппарат, также как и аппарат судебный, сокращен в ТР до крайности и поэтому разбор дел не может итти так интенсивно, как это бы необходимо требовать, и поэтому часто осужденные сидят до окончания следствия или даже до разбора их дела в суде.

К освобождению следственных арестованных надо, тем не менее, подходить очень внимательно, так как могут быть случаи, и такие факты наблюдались даже в недалеком прошлом, что большое число преступников, освобожденных из-под стражи до суда, скрылось и по вине слабо еще поставленного розыскного аппарата их найти до сего времени не удалось.

Поэтому, товарищи, иногда целесообраз-

нее держать преступника до суда в Домзаке, если есть опасение, что он скроется, тем более, что по нашему законодательству срок пребывания в заключении до суда обязательно зачитывается в срок наказания, определенного судебным приговором.

Предварительное содержание под стражей может быть регулировано Центральной Прокуратурой ТР, но тут возможны и ошибки.

2-ой С'езд работников Юстиции ТР остановился на этом вопросе (стенографический отчет, стр. 94, строка 12 снизу).

С мест из кантонов нам говорили, что иногда крестьянин совершал самое незначительное преступление, например, простую мелкую кражу, но в селе он является нетерпимым членом общества, замечен в различных неблаговидных проступках и сельское общество прямо требует, чтобы он был за эту кражу посажен немедленно и просидел хотя бы две-три недели.

Следователь, под влиянием общественного мнения, такого преступника сажает, Пом. Прокурора кантона соглашается, а центральная

Прокуратура ТР дает предписание его освободить и тем возбуждает недовольство населения.

Таким образом, как бы на месте иногда бывает виднее, целесообразно или же нет лишить свободы данного преступника до рассмотрения его дела.

Этот взгляд на С'езде подвергся критике; его с одной стороны нельзя не признать правильным, а, с другой стороны, Прокуратура ТР стоит на той точке зрения, что заключение под стражу не может быть применено вопреки определенным и строгим нормам закона в угоду общественному мнению, как фактору ошибочному, имеющему в деревне своей основой личные счеты.

Прокуратура ТР стремится возможно точно соблюдать ст. 158 Уг.-Проц. Кодекса, говорящую об условиях, при которых возможно предварительное заключение под стражу, а также ст. 159 Уг. Кодекса, устанавливающую, как правило, 2-х месячный срок содержания под стражей.

Каковы, товарищи, результаты той исправ-

трудов. политики, которая выше очерчена, уменьшается ли в ТР преступность или нет, поскольку судебное воздействие имеет влияние на уменьшение числа преступлений, так как в основном, ясно, что преступность определяется экономическими факторами?

Для суждения об этом НКЮ имеет цифры 1921—1923 и 1924 г.г.

Соотношения уголовных и гражданских дел, прошедших за эти годы таково:

1921 г. уголовных дел—49125—75%.
1922 г. „ „ —46172—68%.
1923 г. „ „ —39174—63%.
1924 г. „ „ —41225—63%.
1921 г. гражданских дел—16253—25%.
1922 г. „ „ —21213—32%.
1923 г. „ „ —23315—37%.
1924 г. „ „ —24000—37%.

Таким образом, общая линия к уменьшению поступления уголовных дел сравнительно с делами гражданскими выражена этими цифрами довольно ясно, за исключением 1924 г., который своим соотношением к числу гражданских дел—дел уголовных говорит о том,

что в 1924 году снижение преступности в ТР приостановилось.

Если взять в абсолютных цифрах поступление уголовных дел за 4 последних года, то также начиная с 1921 г. по 1923 г. включительно, число уголовных дел уменьшается, за исключением 1924 г., в котором число уголовных дел, хотя и меньше их числа за 1921—1923 годы, но больше, чем в 1923 г., что уже определенно, товарищи, говорит, что преступность в ТР в 1924 г., по сравнению с 1923 г., возрасла, хотя и очень незначительно.

Для ответа на то, насколько это увеличение преступности опасно, необходимо проанализировать, за какие преступления были осуждены в 1923 г. и в 1924 г.

В 1923 г. осуждено:

За преступления против порядка управления—9180 чел.—1-е место.

За преступления хозяйственные—7184 человек—2-е место.

За имущественные преступления — 2975 чел.—3-е место.

За преступления против правил охраня-

ющих народное здоровье и публичный порядок—1717 человек—4-е место.

За преступления против жизни и здоровья —1625 чел.—5-е место.

За должностные преступления—869 чел. —6-е место.

Остальные „прочие“—7-е место.

В 1924 г. осуждено:

За преступления против порядка управления—22252 чел.—1-е место.

За преступления хозяйственные—14267 чел.—2-е место.

За преступления против жизни и здоровья —2196 чел.—3-е место.

За преступления против правил, охраняющих народное здоровье и публичный порядок —2135 чел.—4-е место.

За имущественные преступления—1927 чел.—5-е место.

За должностные преступления—419 человек—6-е место.

Остальные „прочие“—7-е место.

При сравнении этих цифр обнаруживается, что громадный рост осужденных в 1924 году

имеется по преступлениям против порядка управления (в 1923 г.—9180 чел., а в 1924 г.—22352) и по преступлениям хозяйственным (в 1923 г.—7184 чел., а в 1924 г.—14267 чел.). Эти же преступления на 99% состоят из самогонных преступлений, лесопорубки и невзноса сельхозналога, т. е. преступления эти, за исключением последней категории, не могут считаться социально-опасными и рассматриваются теперь, в большинстве случаев, даже не как преступление, а как проступки, ибо большинство таковых дел из'ято из подсудности Нарсудов и передано для наложения по ним взысканий в административном порядке; таким образом, то увеличение преступности, которое мы выше констатировали, ни в коем случае не может считаться опасным явлением.

Перейдем, товарищи, теперь к тем перспективам, которые имеются сейчас в направлении исправ.-трудовой политики.

Та исправ.-труд. политика, которая была выше очерчена, в недалеком будущем должна значительно измениться и уже изменилась сейчас.

Сессия ЦИК-а ССР приняла основы Уго-

ловного законодательства Союза ССР (собран. Зак. Союза ССР № 24 от 6-го декабря 1924 г.).

В этих Основах лишение свободы минимальное не ограничено и может быть, следовательно, установлено от одного дня.

На началах, изложенных в Основах, уголовное законодательство Союзных Республик должно быть в ближайшем будущем переработано.

НКЮ РСФСР таковой проект уже выработал.

В нем характерным моментом является выраженное очень ярко снижение репрессий, и, например, что особенно показательно—лишение свободы устанавливается от одного дня.

Таким образом, исправ.-трудов. политике придется измениться в направлении частого применения краткосрочного, от одного дня, лишения свободы.

В № 5 „Еженедельника Советской Юстиции"—официальном органе НКЮ РСФСР, опубликовано директивное письмо № 1 Уг.-Кас. Коллегии Верхсуда РСФСР, трактующее об исправ.-трудов. политике.

Это директивное письмо говорит о необходимости снизить меры репрессии по бытовым и имущественным преступлениям и, в то же время, быть беспощадным по отношению тех преступлений, которые угрожают основам Советского строя, особенно, если эти преступления совершены в течение 2-х последних лет.

Далее, товарищи, это директивное письмо рекомендует широко применять условное осуждение по мелким имущественным и бытовым преступлениям, не имевшим тяжелых последствий и совершенным рабочими или трудовыми крестьянами по несознательности и темноте.

Это директивное письмо имеет своей основной задачей подготовить судебные органы к тому новому направлению исправ.-трудов. политики, которая уже сейчас намечена в Основах уголовного законодательства Союза ССР.

Следующим чрезвычайно важным моментом исправ.-трудов. политики, который в недалеком будущем развернется во всю ширь, является сужение тех преступлений, по которым ранее была уголовная кара.

ВЦИК своим постановлением от 9 февраля

1925 г. (Известия ВЦИК № 41 от 19 февраля с. г.) ввел в Уголовно-Процессуальный Кодекс новую статью 4-а, которая предоставляет право Суду и Прокурору отказывать в возбуждении уголовного преследования в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица, хотя и содержит в себе признаки преступления, но не может признаваться социально-опасным, вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий или же когда возбуждение уголовного преследования явно нецелесообразно.

За такие дела будут преследоваться в административном или же дисциплинарном порядке.

Статья 4-ая УПК дает большой простор усмотрению суда и Прокуратуры, и здесь, как нигде, должно проявиться классовое революционное их сознание в определении—наказывать ли судом данного преступника или же не наказывать.

В более узком масштабе статья 4-а имела своим предшественником примечание к статье 180-б УК, которое ввела вторая Сессия ВЦИК

XI созыва и которая, товарищи, также была новой в нашей исправ.-трудовой политике.

Это примечание дословно говорит:

„Мелкая фабрично-заводская кража материалов и орудий производства, совершенная в первый раз рабочим или служащим, занятым в производстве в пределах своего предприятия, если стоимость похищенного не превышает 15 руб., карается в административном порядке администрацией предприятия по табели взысканий, установленном Народным Комиссариатом Труда“.

Таким образом, мелкая кража рабочими завода, которая раньше наказывалась судом и было время, что наказывалась довольно серьезно, теперь уже как бы не составляет уголовного деяния, а рассматривается, как проступок.

В связи с тем, что в общем исправ.-трудов. политика начала уже суживаться и наказания должны быть, как правила, незначительны, конечно, по отношению элементов не чуждых и невраждебных пролетариату, в связи с этим исправ.-трудов политика должна приобрести устойчивость.

Ранее в год обязательно издавалось по несколько амнистии или постановлений о досрочном освобождении, теперь же таковые амнистии не будут иметь места или же будут крайне редки.

И это, товарищи, вполне целесообразно.

Прежде наблюдалось иногда такое явление, что суд, определяя наказание, учитывал, что наверняка скоро будет амнистия, которая снимет осужденному половину или же треть наказания, а потому суд наказание повышал.

Теперь же положенное наказание будет таково, какое данный преступник заслужил и он это наказание отбудет, так как это наказание будет определяться уже в большинстве не годами, а месяцами и даже днями.

Очень важным моментом исправ.-труд. политики является расширение подсудности Народных Судов, проведенное на основании постановления 2-ой Сессии ВЦИК XI-го созыва.

Если раньше подсудность Нарсудов ограничивалась только делами незначительного характера, то теперь сфера деятельности Нарсудов, а, следовательно, и сфера исправ.-трудов. политики, значительно расширяется.

Сейчас Народным Судам подсудны например, дела о конокрадстве, убийстве по неосторожности, об убийстве при превышении пределов обороны, грабеже с насилием, неопасным для жизни и т. д., тогда как ранее эти дела были подсудны Главсуду (Губсуду).

Народный Суд сталкивается с такими сложными делами впервые; репрессия по ним значительна (например, конокрадство облагается лишением свободы не ниже 2-х лет); при разборе таких дел, а также при определении наказания встретятся, конечно, затруднения и ошибки, поэтому НКЮ значительно больше уделяет внимание на обследования и ревизию низовых своих ячеек, а также на надзор за ними Прокуратуры.-

Далее, должно чрезвычайно сузится до самых минимальных пределов применение расстрела и самая возможность вынесения такового приговора в данное время обставлена целым рядом гарантий.

На ближайшее время у нас в ТР предполагается усилить репрессии по должностным и хозяйственным преступлениям.

В Татарской Республике, как это показала практика 1923, 1924 г.г. должностные и хозяйственные преступления имеют значительное место.

Не говоря уже о крупных преступлениях как, например, дело Кожтреста, Лесотреста, Татодежды, за последний период времени начали процветать мелкие хозяйственные должностные преступления,—присвоения, растраты и т. д.

Особенно это заметно в кооперации (доклад Лаишевского Пом. Прокурора в Коллегии НКЮ), в профсоюзных учреждениях (статья тов. Ратехина „Красная Татария“ от 20 марта № 63) и т. д.

Это явление также, если не более, опасно своими последствиями, как и крупные должностные преступления, т. к. оно отталкивает массы от кооперативного и профсоюзного строительства и его надо ликвидировать и, как можно, скорее.

Кроме мер иного порядка (чистка, строгий контроль работы, ответственность перед выборщиками), которые помогут ликвидировать

это явление, свое действие может оказать и строгое судебное воздействие на таких преступников.

Здесь примером может служить взяточничество, эпидемия которого в 1922 году и первую половину 1923 г. была ликвидирована на 90% ударной борьбой с этим злом судебных органов.

И, наконец, на ближайший год, должно достичь максимального приближения карательного момента к моменту совершения преступления.

Аппарат дознания, следствия, Суда и Прокуратуры должен работать четко и быстро—преступление совершено, немедленно должно быть произведено дознание и следствие, одобрено Прокуратурой и передано без задержек в Суд, а Суд тут же разбирает дело.

В настоящее время нельзя сказать, чтобы дело здесь обстояло благополучно—между временем совершения преступления и временем наказания преступника проходит часто значительный срок, исчисляемый месяцами.

Помимо прочих причин (недостаточная

квалификация органов дознания, а иногда и следствия, сложность дел и т. д.) главнейшая причина сравнительного медленного прохождения дел заключается в перегруженности как органов дознания, так и органов судебно-следственных.

В свою очередь, эта перегруженность об'ясняется максимальным сокращением штатов как органов дознания, так и судебно-следственных, между тем, как, например, работа хотя бы Нарсудов за 1924 г. значительно расширилась, так, в 1923 г. общее количество уголовных дел в Нарсудах равнялось—39174, а в 1924 г.—41225 дел.; гражданских дел в 1923 г.—23315, а в 1924 г.—24500 дел.

НКЮ, товарищи, принимает все меры к тому, чтобы ликвидировать образующуюся залежь дел в Народных судах; на этом пути имеются определенные успехи; так, на 1-ое сентября 1924 г. остаток дел в Нарсудах кантонов ТР равнялся—12116, на 1-ое ноября—11064, на 1-ое января—8051, на 1-ое февраля—9487 и, наконец, на 1-ое марта—7414.

Эти цифры обнаруживают определенную

тенденцию к уменьшению залежи дел, но довести нагрузку дел в Нарсудах до нормального, уничтожить залежь дел совершенно, чем и обеспечить быструю работу Судов и следователей, приурочить карательный момент к моменту совершения преступления, возможно лишь при соответствующем увеличении судебной, а также следственной сети и сети органов дознания, как подсобного для Суда аппарата.

Теперь несколько слов по вопросу об амнистии.

Говоря об амнистии, следует остановиться на праве Центральных Исполнительных Комитетов Автономных Республик издавать амнистии общие или же применять амнистии частичные к тому или иному осужденному.

До сего времени такового права ЦИК-ам Автономных Республик не предоставлено.

В изданных Основах Уголовного Законодательства Союза ССР, в статье 35, сказано: „Право освобождать осужденных от применения мер социальной защиты и понижать установленную законом меру социальной защиты принадлежит в отношении приговоров народных

судов, а равно губернских и областных и соответствующих им судов и верховных судов союзных республик Центральным Исполнительным Комитетам последних по принадлежности, а в отношении приговоров Верховного Суда Союза ССР и военных Трибуналов—Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР".

Народный Комиссариат Юстиции ТР неоднократно возбуждал вопрос о предоставлении ТЦИК-у права помилования, ибо учитывал, что в исправ.-трудовой политике политически это чрезвычайно важно, но до сего времени удовлетворительного результата достигнуто не было. Поэтому обязанность Прокурора заставляет опротестовывать такие акты амнистии нашего ЦИК-а.

Необходимо, товарищи, самым энергичным образом вновь поднять вопрос о предоставлении ЦИК-ам Автономных Республик права помилования, тем более, что уже полгода тому назад во ВЦИК-е под председательством товарища Енукидзе создана комиссия для срочного рассмотрения этого вопроса, но результатов пока еще нет.

Законное право помилования у ТЦИК-ов Автономных Республик даст возможность ЦИК-у укрепить и высоко поставить свой авторитет, как высшего правительственного органа в пределах Татарской Республики, и достичь этого необходимо.

Товарищи! На какую сторону сейчас должно быть обращено большое внимание наших судебных органов?

Характерное явление сейчас то, что мы в ТР почти изжили те преступления, которые имелись налицо в 1922 и 1923 г.г. и которые представляли громадную опасность для нашего хозяйственного строительства: это крупные хозяйственные и должностные преступления (дело Пищтреста, дело Кожтреста и друг.).

Те дела крупного масштаба, которые сейчас имеются, есть также результат этих годов (дело Лесотреста, дело Соколова (Кожтрест).

В 1924 и 1925 г.г. таких дел больше не возникает. Но имеет место, как уже выше было сказано, значительное число мелких хозяйственных, должностных преступлений, под-

судных Народному Суду, но представляющих в своей совокупности, в своей массе большую опасность для нашего хозяйственного строительства и, вот, на эту сторону должно быть обращен, максимум внимания наших судебных органов.

Нужно, прежде всего, обеспечить быстрое прохождение этих дел через следственный аппарат.

Поэтому НКЮ сейчас занят разгрузкой Народных следователей от незначительных имущественных и бытовых преступлений, чтобы дать им возможность максимум внимания уделить работе по ведению расследования по должностным и хозяйственным преступлениям.

Но практика показала, что Прокуратуре придется сейчас довольно часто даже практиковать из'ятие от Народных следователей некоторых хозяйственных и должностных дел и передавать их, несмотря на подсудность Народным Судам, для ведения следствия старшим следователям, как более квалифицированным работникам, какая мера Прокуратурой уже проводится.

Прохождение этих дел в Нарсудах также

должно быть под непосредственным надзором Прокуратуры; последняя до настоящего момента уделяла главное внимание Главному Суду, теперь центр тяжести ее работы должен быть перенесен в Народные Суды, где выступление Прокуратуры будет, как правило, обязательным по каждому делу, имеющему хозяйственное или же политическое значение.

Народный Комиссариат Юстиции предполагает даже (вопрос нескольких дней) возложить на один из Нарсудов г. Казани разбор всех хозяйственных и должностных преступлений, подсудных Нарсуду и совершенных в районе г. Казани, чтобы этим достичь устойчивой линии исправ.-трудов политики по этим преступлениям и обеспечить скорость их судебного разбирательства.

Громадную роль в отношении исправ.-трудов. политики играют народные заседатели.

Опыт прошлых лет показал, что по некоторым хозяйственным и должностным преступлениям были в качестве народных заседателей т.т. из хозорганов и Управлении, которые после сами сели на скамью подсудимых.

Конечно, такие товарищи не склонны были со всей серьезностью и строгостью революционного закона карать преступников—хозяйственных и должностных лиц.

Или же были в числе народных заседателей т.т., которые в хозяйственных делах, например, коммерческих операциях или же, бухгалтерских книгах, очень мало понимали или же не понимали совершенно.

Этих ошибок следует сейчас избегнуть и поэтому НКЮ обращается с просьбой в ТСПС, чтобы он из списков народных заседателей выбрал определенных товарищей для участия в процессах Нарсудов по должностным и хозяйственным преступлениям.

Это значительно облегчит рассмотрение этих дел.

Говоря о народных заседателях, необходимо отметить, что до сего времени их участие на суде носило неактивный характер.

Если при определении меры наказания народные заседатели всегда высказывают свой взгляд, то они очень мало помогают Суду разобраться в самом факте преступления.

Это положение правильно как для г. Казани, так и для кантонов.

Для изжития этого, для придания участию народных заседателей в работе Суда более активного характера, по кантонам были проведены конференции народных заседателей.

Такая же конференция в июне месяце будет проведена и в г. Казани для народных заседателей Главсуда и нарсудов.

На этой конференции Прокуратура сделает доклад, в котором ознакомит с направлением нашей исправ.-трудов. политики в настоящий момент для того, чтобы народные заседатели правильно ориентировались при суждении о размерах наказания по тому или иному преступлению.

Товарищи! Громадную роль в направлении помощи суду должны сыграть и сорганизованные в г. Казани и по некоторым кантонам Коллегии общественных обвинителей.

Политически важно, чтобы общественные обвинители, также выдвинутые профсоюзами, принимали активное участие в процессе, именно, как общественные обвинители.

Они должны будут делить работу по обвинению между Прокуратурой и собой в таком направлении—Прокурор, как юрист, дает юридическую квалификацию преступления, а общественный обвинитель говорит о социальной, общественной опасности преступления и преступника.

Но нельзя сразу этих общественных обвинителей, незнакомых с процессуальными нормами, выпустить на Суде; поэтому с ними будет в мае месяце проведен ряд бесед юридического характера, после чего они уже будут активно работать, на правах Пом. Прокурора в процессе.

Большое значение, при рассмотрении каждого хозяйственного и часто, должностного преступления, играет экспертиза.

Нередко дело задерживается только потому, что медленно работает экспертиза и выводы одного эксперта противоречат другому.

Экспертами в большинстве бывают спецы и, ясно, что вполне доверяться им нельзя, тем более, что от их заключения зависит и мера наказания и, даже, разрешение вопроса о предании или же непредании Суду.

До сего времени у нас не имелось определенного состава экспертов по хозяйственным и должностным делам,—сегодня эксперт один, завтра другой.

Ненормальность такого положения очевидна, поэтому НКЮ сейчас обращается в Татсовнархоз, Наркомвнуторг, Татсоюз и другие крупные хозяйственные об'единения для создания постоянного кадра надежных экспертов по хозяйственным преступлениям.

В связи с ближайшими мероприятиями по проведению исправит.-трудовой политики, стоит вопрос о пересмотре личного состава судебно-следственной сети г. Казани и кантонов.

Этот пересмотр преследует цели достичь, во первых, максимальной обеспеченности классово-выдержанной линии исправ.-трудовой политики, и, во вторых, пополнить кадр работников Юстиции политически вполне зрелыми товарищами.

Сейчас Коллегия НКЮ принимает меры по выяснению необходимых перемен в личном составе судей и следователей, а самый пересмотр фактически будет приурочен к очеред-

ному, в начале июня месяца, выпуску областных юридических курсов, чтобы смещенных лиц сразу же заменить новыми товарищами.

Говоря об испр.-трудовой политике следует, товарищи, сказать, что таковая будет только тогда правильной, когда она будет правильной до конца.

Исправ.-трудовая политика Суда продолжается в Домах заключения, поэтому Дома заключения и самый режим в них подразделяется на несколько категорий.

Главной Инспекцией мест заключения, а также и администрацией каждого отдельного Дома заключения доверяется продолжать линию исправит.-трудовой политики, определенную Судом.

Всегда ли продолжение этой линии в Домах заключения бывает правильной?

Нет, не всегда, и здесь задача Прокуратуры, наблюдающей за Домами заключения, принять меры, чтобы исправ.-трудовая политика, проведенная по отношению данного преступника Судом, целиком и полностью продол-

жалась в этом же направлении твердо и неуклонно.

Тут особое внимание придется уделить Наблюдательным Комиссиям в Домзаках и Распределительной Комиссии.

По исправительно-трудовому Кодексу предусмотрено освобождение заключенных, отбывающих половину наказания.

Это освобождение всецело зависит от Наблюдательных Комиссии и Распределительной Комиссии.

По отзывам первых и постановлению второй производится освобождение.

Поэтому этим Комиссиям надо особенно чутко отнестись к освобождению заключенных и ни в коем случае не руководствоваться только формальным моментом (раз отбыл половину срока, то и освобождать), и подходить с точки зрения целесообразности по мотивам политическим к вопросам освобождения, особенно в отношении преступников-хозяйственников и должностных лиц.

В итоге, следует сказать, что исправ.-трудовая политика не только узко-ведомственный вопрос органов Юстиции; этот вопрос, гораздо

шире и захватывает собой целый ряд ведомств, профорганов и даже парторганов.

И только при совместной работе, при дружной поддержке органов Юстиции всеми заинтересованными наркоматами, профорганизациями и, наконец, парторганизациями возможно удовлетворительное разрешение вопроса исправ.-трудовой политики.

К этому, товарищи, я Вас и призываю, и думаю, что Вы пойдете к нам навстречу и окажете органам Юстиции возможную помощь и поддержку.

В заключение, я оглашу важнейшие цифры о заключенных, содержащихся в домах заключения ТР на 1-ое января 1925 г.

Всего заключенных—1546 чел.

Из них в Домах заключения г. Казани—1014 чел., в кантонах—532 чел.

Из общего числа 1546 чел. срочных заключенных—1193 чел., следственных—312 чел., пересыльных—41 человек.

Заключенные по их социальному положению подразделяются:

Крестьян . . . . . 937 чел.—60%

Рабочих	475	чел.	—30%
Прочих	134	„	—10%

По национальности:

Русских	967	„	—63%
Татар	508	„	—33%
Прочих	71	„	— 4%

Отбываемые сроки наказания:

Лишение свободы до 6 мес.	405	чел.	—34%
„ „ „ 1 года	302	„	—25%
„ „ „ 3 лет	316	„	—26%
„ „ „ 5 лет	170	„	—15%

Осужденные, главным образом, отбывают наказания за преступления против жизни и здоровья (убийство, тяжкие телесные повреждения), за должностные преступления, за крупные имущественные преступления и, наконец, за хозяйственные преступления, из которых большее число—за злостную варку, сбыт и хранение самогона.